

III. ПРИЛОЖЕНИЕ

В. Н. ПАРФЕНОВ

«Злая мачеха дома Цезарей»
(исторический очерк)

«При тиранических режимах политика есть искусство чередующихся интриг»

А. Авторханов

Вынесенная в заглавие этого очерка нелестная характеристика, которую дал великий римский историк Корнелий Тацит, относится к Ливии Друзилле, жене Цезаря Августа и матери его преемника, императора Тиберия. Наделяя Августа разного рода демоническими свойствами, исследователи зачастую упускают из виду ту роль, которую в формировании политики первого принцепса играло его окружение. Наиболее стабильным элементом этого окружения и была Ливия, третья по счету жена Августа, который был ее вторым мужем.

Дочь Ливия Друза Клавдиана, приемного сына Ливия Друза, знаменитого защитника италиков, Ливия Друзилла родилась 30 января 58 г. до н. э. Ее детство и отрочество пришлось на годы гражданских смут, переросших в войну между Цезарем и сторонниками республиканского строя. Непосредственно ее эти события не коснулись, и, получив обычное для девочек из аристократических семей домашнее образование, в обычном для молодых римлянок возрасте, в пятнадцать лет, она вышла замуж за Тиберия Клавдия Нерона. Муж был много старше нее, принимал активное участие в гражданской войне на стороне Цезаря, но после убийства последнего высказался за награждение убийц. К счастью для него, это высказывание осталось без последствий.

16 ноября 42 г. до н. э. у Ливии родился сын, назван-

ный, как и его отец, Тиберием. В том же году она лишилась своего отца — Ливий Друз сражался при Филиппах на стороне республиканцев и после разгрома Брута и Кассия покончил с собой, не желая сдаваться торжествующим победителям, одним из которых был будущий муж его дочери¹. Тиберий Нерон участия в этих событиях не принимал, ему, похоже, не угрожал свирепствовавший в Италии террор цезарианцев. Однако, когда в 41 г. до н. э. вспыхнуло восстание экспроприированных италийских землевладельцев против Октавиана, вошедшее в историю под названием Перузинской войны, Тиберий Нерон, занимавший тогда должность претора, имел неосторожность примкнуть к этому движению. После победы Октавиана ему, как и многим другим, пришлось бежать на Сицилию. Хозяином этого острова был тогда Секст Помпей, сын Помпея Магна и обладатель великолепного флота. Помпей-младший, корабли которого крейсеровали вдоль берегов Италии и подбирали беглецов, оставался после гибели Брута и Кассия единственной надеждой всех противников военной диктатуры цезарианцев. Однако Нерон, который оказался на острове вместе с женой и младенцем-сыном, встретил у морского властелина холодный прием. Уязвленный этим, аристократ (надменность вообще была фамильной чертой Клавдиев) переправился с семьей на Балканы и объявил себя сторонником Антония. Вместе с ним он и вернулся в Рим в 40 г. до н. э. (благо Октавиан объявил перед этим амнистию для своих бывших противников, исключив из нее лишь убийц Цезаря). Для его брака возвращение оказалось роковым — вскоре Октавиан, который вообще не мог пропустить ни одной хорошенькой женщины, обратил на Ливию свое благосклонное внимание.

Будущий автор сурового «закона Юлия о прелюбодеяниях» в молодости многократно грешил против его положений, и Скрибония, его вторая жена, получила развод (причем в тот день, когда родила ему дочь) главным образом из-за того, что устраивала сцены ревности — сам Август в мемуарах писал, что развелся с ней, «устав от ее дурного нрава»². Связь с Ливией не постигла, однако, судьба иных ув-

¹ Ливий Друз покончил с собой, предварительно приказав вырыть в собственной палатке могилу. Такая предусмотрительность не была излишней: тела казненных после битвы по приказу триумвиров республиканцев были брошены без погребения, что, по представлениям древних, обрекало души мертвецов на вечные мучения.

² Светоний цитируется в переводе М. Л. Гаспарова, Тацит — в переводе А. С. Вобовича.

лечений любвеобильного триумвира. Двадцатилетняя Друзилла находилась тогда в расцвете своего очарования и слыла первой красавицей Рима. Октавиан, похоже, оценил не только это, увы, скоропреходящее свойство, но и редкостный ум жены Тиберия Нерона. Поэтому он уговорил последнего уступить Ливию ему; та явно не имела ничего против этого. Препятствием не стало даже то, что «невеста» находилась на шестом месяце беременности. Октавиан, правда, запросил жрецов, позволяет ли религиозное право вступать в брак в столь интересном положении, но запрос этот молва сочла не более чем изощренным издевательством над «обычаями предков». Как и оба предыдущих брака Октавиана, его новая женитьба имела и политический смысл (здесь он на редкость совпал с личными интересами): рука внучки поборника дела италиков должна была помочь в создании необходимого «имиджа» молодого триумвира — для уничтожения популярного в Италии Секста Помпея и с дальним прицелом на борьбу с Антонием.

Свадьба Октавиана и Ливии состоялась 17 января 38 г. до н. э. Спустя три месяца Ливия родила второго сына, сначала названного Децимом, а затем переименованного в Друза (такого рода необычные личные имена, роль которых играли прежние родовые прозвища, стали входить в моду среди римской аристократии). Все в Риме были убеждены, что настоящим отцом младенца был сам Октавиан; по городу ходила греческая эпиграмма: «У счастливых и дети рождаются трехмесячными». Вероятно, для того, чтобы доказать неосновательность этих толков, Октавиан отослал обоих сыновей Ливии, и четырехлетнего Тиберия, и совсем еще крохотного Друза, в дом ее бывшего мужа. Там они воспитывались до смерти Тиберия Нерона в 33 г. до н. э. На его похоронах традиционное похвальное слово покойному произнес девятилетний Тиберий. Затем оба мальчика вернулись к матери и отчиму.

Брак Ливии и Августа оказался идеальным, омрачало его только одно обстоятельство: детей у них не было после неудачной беременности Ливии. Что касается всего остального, то Ливия прекрасно понимала, насколько удачную партию она сделала этим замужеством. Поэтому, в отличие от Скрибонии, она сквозь пальцы смотрела на продолжавшиеся увлечения мужа. Интереснейшее свидетельство об этом сохранил Светоний, приведя цитату из подлинного письма Марка Антония — когда Октавиан начал готовить общественное мнение к войне против Антония и для начала стал упрекать

того в сожительстве с чужеземной царицей Клеопатрой⁴⁰ недоумевающий свояк (Антоний был женат на старшей сестре Октавиана) ответил ему с очаровательной непосредственностью: «С чего ты озлобился? Оттого, что я живу с царицей? Но она моя жена, и не со вчерашнего дня, а уже девять лет. А ты будто живешь с одной Друзиллой? Будь мне неладно, если ты, пока читаешь это письмо, не переспал со своей Тертуллой, или Терентиллой, или Руфиллой, или Сальвией Титизенней, или со всеми сразу, — да и не все ли равно в конце концов, где и с кем ты путаешься?»

Но вот ушли в прошлое гражданские войны. Были разгромлены и погибли Антоний и Клеопатра. Октавиан оказался повелителем огромной державы и, среди своих бесчисленных забот, стал задумываться над вопросом о преемнике — сам он, несмотря на сравнительную молодость (родился 23 сентября 63 г. до н. э.), был слабого здоровья и уже несколько раз болел настолько опасно, что молва сообщала о его смерти. В основу династической политики Октавиана (с января 27 г. до н. э. — Августа) было положено одно неперемное условие — наследник должен был быть родным ему по крови. И здесь принципса, удачливость которого вошла в поговорку (много позже новым императорам Рима традиционно желали быть «счастливее Августа и лучше Траяна»), постигает череда катастрофических неудач, постоянство которых заставляет видеть в них нечто большее, чем набор простых случайностей.

Первоначально выбор императора пал на его племянника Марка Клавдия Марцелла. Будучи совсем юным, он женился на Юлии, единственной дочери Августа, и начал было стремительное восхождение по ступеням военно-политической карьеры, но в 23 г. до н. э. внезапно умер. Уже тогда Ливию подозревали в причастности к этой смерти, необходимой, чтобы расчистить путь к власти ее сыновьям; правда, Дион Кассий считает это подозрение неосновательным, ибо в тот год смертность от эпидемии была в Риме колоссальной. Но любопытно, что перед этим тяжело заболел сам Август, и его, находившегося на грани жизни и смерти, вылечил врач Антоний Муза. Марцелл заболел той же болезнью, лечил его тот же врач, но исход оказался летальным, хотя, казалось бы, у молодого и здорового племянника было явное преимущество перед болезненным дядей. Бросается в глаза еще одно интересное обстоятельство, связанное с личностью врача: судя по имени, Антоний Муза был вольноотпущенником Марка Антония и перешел к Августу в

качестве своеобразного военного трофея после смерти патрона в 30 г. до н. э. Надо полагать, этот медик, прошедший «стажировку» при дворе Клеопатры (кстати, царица и сама занималась испытанием действия различных ядов), хорошо подходил для выполнения деликатных поручений императрицы. Впрочем, несмотря на подобного рода догадки, причастность Ливии к смерти Марцелла доказать невозможно.

После кончины Марцелла, казалось, наиболее предпочтительной кандидатурой для нового брака Юлии был Тиберий, старший пасынок Августа. Однако принцепс предпочел иную матримониальную комбинацию, выдав (после длительных раздумий) дочь замуж за своего ближайшего сподвижника Марка Агриппу, хотя тот вполне годился в отцы юной вдове. По словам Диона Кассия, в этом решении Августа утвердил его друг и советник, знаменитый Меценат, который сказал, что благодаря Августу Агриппа возвысился до такого положения, что теперь должен либо стать зятем принцепса, либо умереть.

Новый брак Юлии оправдал возложенные на него Августом надежды: в 20 г. до н. э. она родила сына, названного как и дед, Гаем, а через три года появился на свете еще один мальчик, получивший имя Луция. Сразу после его рождения Август усыновил обоих внуков, приобретя путем этой процедуры сразу двух наследников. Таким образом, нельзя не признать, что, если Ливия строила иные династические планы, то они потерпели сокрушительное поражение.

Но императрица умела выжидать. Она с достоинством играла роль «первой леди» Рима и исподволь все более прибирала Августа к рукам, умело потакая слабостям супруга. В частности, Ливия в угоду сластолюбию стареющего тирана повсюду покупала молоденьких рабынь, большим любителем которых был Август. В то же время император настолько ценил ее мнение, что перед разговором с ней по наиболее важным вопросам даже заранее составлял конспект беседы.

Тем временем выросли сыновья Ливии: старший уже заявил о себе как подающий большие надежды на военном и дипломатическом поприще, младший, любимец матери и отчима, быстро нагонял брата, занимая вслед за Тиберием все более высокие государственные должности. В 15 г. до н. э. им обоим было доверено окончательное покорение альпийского региона, а вскоре неожиданная смерть Агриппы (13 г. до н. э.) открыла перед ними головокружительные перспективы. Тиберию было приказано развестись с Випсанней Аг-

риппиной, дочерью Агриппы, и жениться на Юлии, его вдове. Брак был заключен против воли обеих сторон и оказался на редкость неудачным, быстро вызвав взаимную ненависть, откровенную со стороны не привыкшей стесняться себя в чем-либо Юлии, глухую, но тем более упорную со стороны Тиберия, который не мог позволить себе проявить свои чувства открыто. Впрочем, Август не был расположен обращать внимание на такого рода «мелочи», возлагая главные надежды на Гая и Луция Цезарей; Тиберию, их отчиму, отводилась роль временного местоблюстителя — до возмужания юных «принцев крови».

Из обоих сыновей Ливии предпочтение явно отдавалось Друзу: хотя внешне возрастная субординация соблюдалась — если Тиберий впервые стал консулом в 13 г. до н. э., то Друз — лишь спустя четыре года, ибо был на четыре года младше брата, но именно Друз был назначен сонаследником Августа вместе с Гаем и Луцием, о чем принцепс заявил вполне официально. Столь очевидная симпатия к младшему пасынку заставляет вспомнить светские сплетни, сопутствовавшие рождению Друза — что истинным отцом его был сам Август³. В последующие годы, когда Тиберий выполнял ответственную, но тяжелую и неблагодарную задачу покорения племен севера Балканского полуострова вплоть до Дуная, римские орлы были победоносно пронесены под предводительством Друза от Рейна до Эльбы, а римский флот, тоже под его началом, вышел в Северное море и достиг Балтики. Однако Друзу было не суждено стать вторым Александром Великим и выполнить планы Августа по завоеванию мира: трагическая случайность оборвала жизнь молодого полководца, метеором сверкнувшего на римском политическом небосклоне⁴.

³ Думается, что эта версия получает косвенное подтверждение в том факте, что очередным супругом Юлии был избран не он, хотя было общеизвестно, что благоволил Август именно к открытому и общительному Друзу, а замкнутого и надменного Тиберия не жаловал. Дело в том, что фактически Юлия была сводной сестрой Друза, так что его женитьба на ней исключалась.

⁴ В 9 г. до н. э. легионы Друза дошли до Эльбы. Легенда рассказывает, что, когда он, стремясь к пределам ойкумены, решил форсировать реку, ему предстала женщина исполинского роста и изрекла: «Куда же ты спешишь, ненасытный Друз? Не суждено тебе познать абсолютно все. Но уходи — ведь и у тебя близится конец и подвигам, и жизни». После этого Друз повернул назад. На обратном пути он упал с лошади (римские седла того времени были без стремя), результатом чего был сложный перелом бедра. Тогдашняя медицина оказалась бессильной: умер Друз, очевидно, от гангрены.

Таким образом, сама судьба выдвинула Тиберия на авансцену — ему был вручен выпавший из руки Друза меч и приказано продолжить завоевание Германии, ему предоставляется (пока на пятилетие) трибунская власть, что делает его фактическим соправителем Августа⁵. Трудно предположить, что все это произошло без участия матери, которая после смерти Друза все надежды возложила на своего первенца. Однако Тиберию давали понять (скорее всего, Юлия и ее окружение), что столь видное положение он занял лишь по прихоти судьбы, и оно имеет временный характер. И тогда тридцатилетний Тиберий, независимо от матери и даже вопреки ее воле, начинает свою политическую игру: вскоре после предоставления ему трибунской власти он заявил, что устал от государственных дел и намерен удалиться в Грецию для отдыха и продолжения образования. Настоятельные просьбы матери и отчима отказаться от своего намерения оставили его непреклонным: натолкнувшись на решительное несогласие Августа дать ему отставку, Тиберий... объявил голодовку (как видно, столь распространенная теперь форма политического протеста имеет почтенную родословную). Это кажущееся странным упрямство можно удовлетворительно объяснить только расчетом Тиберия на собственную незаменимость и на то, что Август будет вынужден все-таки усыновить его⁶. Однако упорство Тиберия столкнулось с еще более жесткой позицией человека, гораздо более искушенного в политических интригах и шантаже. Тиберию было дано разрешение удалиться от дел, но тем самым Август навсегда вычеркивал его из политики. Демонстративные шаги Тиберия, направленные на примирение с отчимом, никакого действия не возымели.

Добровольное изгнание Тиберия (он обосновался на Родосе) со временем стало ссылкой — когда он обратился к Августу с просьбой разрешить ему вернуться в Рим, тот ответил ему категорическим отказом. Общее мнение было таково, что

⁵ Считалось, что в императоре римский народ воплощал свою суверенную власть, поэтому принцепс принимал на себя полномочия народного заступника, какими со времен ранней Республики являлись плебейские трибуны. Августу пожизненная трибунская власть была декретирована в 36 г. до н. э., спустя 13 лет она была подтверждена.

⁶ Светоний пишет, что Тиберий, уже отправившись из Рима в дальний путь на Восток, задержался в Италии, когда узнал о болезни Августа. Но когда пошла молва о том, что он ждет, не сбудутся ли его «самые смелые надежды», он отплыл, несмотря на штормовую погоду. Можно предположить, что именно эта поспешность доказывает — слухи были небеспочвенными.

Тиберию не вернуться никогда. Похоже, к этому убеждению склонялся и он сам. Единственным человеком, который думал иначе и действовал соответственно, была его мать.

По окончании срока трибунских полномочий Тиберия именно Ливия выпросила (причем с большим трудом), чтобы он не стал частным человеком и хотя бы формально считался лицом, выполнявшим некое поручение Августа. Она же неотступно упрасивала Августа разрешить Тиберию вернуться. Одновременно Ливией был пущен в ход механизм хитроумной интриги, которая в конечном счете должна была поставить Августа перед необходимостью возратить Тиберия к власти. Первой жертвой была избрана дочь императора.

Юлия, освободившись от постылого мужа, вела привычный ей светский образ жизни, не подозревая, что над головой собирается гроза. Момент для нанесения удара был выбран обдуманно. Шел 2 год до н. э. Шестидесятилетний Август находился в зените славы и могущества. Подрастали Гай и Луций; на этот год Август специально вступил в должность консула, чтобы представить народу Луция Цезаря в день его совершеннолетия. 5 февраля народ и сенат преподнесли Августу почетное имя «отца отечества» — этой чести до него были удостоены только два римлянина: Цицерон и Цезарь.

Вероятно, принцепс пребывал в отменном настроении, когда ему были представлены бесспорные доказательства нарушения Юлией супружеской верности, да еще препарированные особым образом (о ее разврате рассказывали явно невероятные подробности). Гнев потрясенного Августа был страшен. Любовнику его дочери Юлу Антонию⁷ было приказано покончить с собой; другой, Семпроний Гракх, был отправлен в пожизненную ссылку, а спустя много лет казнен. Решая судьбу дочери, император колебался, не казнить ли ее, воспользовавшись старинной властью отца семейства над жизнью и смертью своих детей, но в конце концов отправил Юлию на Пандатерию, островок у италийского побережья. Она была осуждена не только как неверная жена (развод ей от имени Тиберия дал сам Август), но и как государственная преступница — Тацит с некоторым удивлением отметил, что Август отступил здесь от своего либерализма, «присвоив этому столь обычному между мужчинами и женщинами проступку грозные наименования святотатства и оскорбления ве-

⁷ Сын триумвира Марка Антония: все его дети от разных жен, кроме казненного по приказу Октавиана старшего сына, были воспитаны Октавией, сестрой Августа и разведенной женой Антония.

личия»⁸. А дело, несомненно, заключалось в том, что Ливия, воспользовавшись тем, что нарушительницей «закона Юлия о прелюбодеяниях» стала дочь высшего магистрата и верховного жреца, сумела склонить Августа к тому, чтобы обрушить на несчастную женщину всю тяжесть возмездия. Первый удар по дому Юлиев был сделан — руками главы этого дома.

Следующая крупная победа Ливии — возвращение Тиберия в Рим. Главным препятствием здесь была воля Гая Цезаря, так как Август твердо решил без его согласия ничего не предпринимать по этому делу. Молодой человек, с детства привыкший к раболепию окружающих, холодно относился к отчиму: Светоний сохранил свидетельство о том, что, когда однажды на пиру у Гая Цезаря зашла речь о Тиберии, один из присутствовавших заявил, что пусть только Гай прикажет, и он привезет ему с Родоса голову «изгнанника». Даже с учетом того обстоятельства, что компания, видимо, была изрядно захмелевшей, эта фраза — хорошее свидетельство общего тона, в котором шел разговор.

Когда Гай прибыл на Восток в качестве наместника восточных провинций и полномочного представителя Августа, Тиберий счел необходимым прибыть на Самос, чтобы засвидетельствовать ему свое почтение, но встретил неприязненный прием. Однако вскоре Гай смягчился, может быть, ненадолго, но Ливии этого хватило — его разрешение на возвращение Тиберия в Рим было получено, правда, при обязательном условии больше не заниматься политической деятельностью. И бывший лучший полководец Империи целиком погрузился в свои частные дела и воспитание Друза, сына от первой жены⁹.

Решающие события не заставили себя ждать: Луций Цезарь, которого Август направил на военную стажировку в Испанию, внезапно умирает по дороге туда (20 августа 2 г. н. э.),

⁸ Закон «об оскорблении величия римского народа», принятый некогда по инициативе мятежного народного трибуна Аппулея Сатурнина, стал страшным орудием в руках императорской власти. В условиях, когда воплощением «величия римского народа» считался сам император, обвинить в нарушении этого закона (что грозило смертью или в лучшем случае изгнанием) можно было фактически за любое неосторожное слово, не говоря уже о поступке.

⁹ Випсания была единственной, кого искренне и глубоко любил этот надменный нелюди. Тиберий развелся с ней по приказу Августа, и можно догадываться, что творилось в его душе. Случайно встретив однажды бывшую жену на улице, он проводил ее взглядом, полным слез. После этого были приняты меры, чтобы они никогда больше не встречались.

а спустя всего восемнадцать месяцев, 21 февраля 4 г., смерть уносит и Гая, главную надежду Августа¹⁰.

Внешне Август стойко перенес потерю внуков, но едва ли можно сомневаться в том, что у него произошел глубокий психологический надлом, расчетливо использованный Ливией в своих интересах. Теперь принцепс напоминал шахматиста, который вынужден делать те ходы, что диктует ему упорный и беспощадный противник.

Спустя четыре месяца после смерти Гая Цезаря, 26 июня 4г., состоялась церемония усыновления Тиберия Августом — теперь сын Ливии перешел в род Юлиев и стал именоваться Тиберием Цезарем. Главная цель императрицы была достигнута, но борьба еще не кончилась. Август, фактически не имевший уже свободы выбора, все-таки упорно цеплялся за выстраданный им династический принцип: одновременно с Тиберием он усыновил Агриппу Постума, единственного теперь сына Агриппы и Юлии, родившегося уже после смерти отца. Кроме того, непосредственно перед этим Август приказал Тиберию усыновить Германика, который был сыном Друза, покойного брата Тиберия. Таким образом, юный любимец римлян, названный по имени покоренной его отцом страны, тоже стал Цезарем, как, впрочем, и родной сын Тиберия Друз. Но Германика Август отличал особенно, что не удивляет, если вспомнить, что по отцу он был хотя и «неформальным», но родным внуком императора.

Ливия, бабка Германика, должна была вполне одобрить выбор мужа (интересно, что в жилах Германика текла кровь не только ее собственная и Августа, но и Марка Антония). Напротив, Агриппа Постум был плоть от плоти ненавистной Юлии, и судьба его была предрешена. Скомпрометировать неопытного и фактически беззащитного юнца особого труда не составляло, и уже в следующем, 5 году, он был отправлен в ссылку за непочтительное отношение к Августу и особенно к Ливии. Август от него отрекся, а сенат объявил его внука

¹⁰ Он был ранен в 3 г. во время боевых действий в Армении, причем сначала рана не казалась особенно опасной. Однако (не в результате ли проводимого лечения?) со временем его состояние все более ухудшалось. Гай даже написал Августу, что не желает более заниматься государственной деятельностью и намерен навсегда остаться в Сирии. Принцепс в ответном письме беспрекословно соглашался на все его условия и буквально умолял горячо любимого внука прибыть в Италию, чтобы увидеть его. Гай против собственной воли все-таки отправился в дорогу, но ему было не суждено увидеться с Августом на этом свете: в ликийском городе Лимире (юго-запад Малой Азии) его настигла смерть.

государственным преступником, подлежащим пожизненно-му содержанию под стражей. Победа Ливии была закреплена тем, что в 8 г. была осуждена и отправлена в ссылку сестра Агриппы Постума Юлия Младшая — по тому же обвинению, что и ее мать. Тогда же совершенно неожиданно для себя был вызван к Августу и получил приказ отбыть на далекую черноморскую окраину Римской державы первый поэт Рима, «певец любви, певец богов» Овидий, которому тоже было суждено умереть в изгнании...

...Шли последние годы жизни Августа. Фактическая власть все более переходила в руки Тиберия: он принимал иноземных послов, непосредственно руководил вооруженными силами, ему принадлежала честь подавления грозного восстания 6—9 гг. на Балканах, он сумел локализовать последствия потери зарейнской Германии и гибели трех легионов в 9 году. Но Август был человеком, которого полностью подчинить своей воле не мог никто, не удалось это и Ливии. А в это время появляются пока еще малозначительные симптомы того, что принцепс, расточая Тиберию лесть и устно и письменно, начинает задумываться над альтернативным вариантом. В конце восстания 6—9 гг. Тиберия на посту главнокомандующего римскими войсками на Балканах сменил Германик, и, хотя дебют молодого военачальника оказался не особенно удачным, карьера Германика движется к зениту: он назначается командующим Рейнской армией (восемь легионов — крупнейшая войсковая группировка Империи!). Август колеблется, не сделать ли своим наследником его вместо Тиберия, но определенного решения пока не принимает. Появляются и другие признаки постепенного изменения позиции принцепса: его дочь переводится с острова на материк, условия ее содержания улучшаются. Наконец — и это было самым опасным — до Ливии дошли сведения о строго засекреченном свидании Августа с Агриппой Постумом, во время которого будто бы произошло примирение деда с внуком. Медлить было нельзя — и летом 14 г. Август неожиданно заболевает. Один (правда, поздний) источник прямо указывает, что он был отравлен Ливией, которая страшилась возвращения Агриппы Постума, решение о чем император будто бы уже принял. Абсолютная достоверность этой версии сомнительна, но не исключено, что течение его болезни было действительно «откорректировано» по воле Ливии с тем, чтобы его завещание, последний вариант которого был составлен 3 апреля 13 г., осталось неизменным. Начало этого документа, обнародованного после смерти Августа, гласило: «Так как жестокая судь-

ба лишила меня моих сыновей Гая и Луция, наследником моим... пусть будет Тиберий Цезарь». Ливия добилась своего...

...«Первым злодеянием нового принципата» назвал Тацит немедленное убийство Агриппы Постума. Тиберий сразу отмежевался от уничтожения своего поверженного соперника: когда убийца, центурион преторианской гвардии, доложил, как предписывал военный устав, об исполнении приказа, новый император ответил, что ничего не приказывал и что центурион должен отчитаться перед высшей государственной инстанцией — сенатом. Правда, дело было быстро замято, сенат его не обсуждал. Общественное мнение обвиняло Тиберия в самом гнусном лицемерии, считая виновниками гибели последнего внука Августа именно нового принцепса и его мать. Напротив, некоторые историки в наше время доказывают, что Ливия и Тиберий были непричастны к этому злодеянию — распоряжение об убийстве Агриппы, мол, оставил сам Август. Попытаемся разобраться в этом непростом деле, одной из первых «тайн императорской власти» Рима.

Сначала ограничимся установлением бесспорных фактов. Ясно, что существовал письменный приказ об убийстве, подписанный Августом. После смерти принцепса руководитель его аппарата Саллюстий Крисп (между прочим, племянник и приемный сын знаменитого историка) направил это предписание военному трибуну преторианцев, начальнику охранявшей Агриппу Постума стражи. Тот отдал соответствующее распоряжение центуриону, и ничего не подозревавший внук Августа был умерщвлен, причем об его участи сожалел даже убийца. Спонтанная реакция Тиберия на рапорт центуриона, похоже, доказывает, что он действительно не знал об этом деле. Напротив, утверждение о непричастности Ливии может вызвать только улыбку — если под приказом об убийстве и стояла подлинная подпись Августа, то, образно выражаясь, рукой его водила Ливия. По-своему это было строго логично — Агриппа действительно не имел права жить после смерти Августа — по соображениям государственной безопасности, особенно если понимать так таковой безопасность ее и Тиберия. Еще при жизни Августа были раскрыты два заговора, инициаторы которых намеревались похитить Агриппу и Юлию из-под стражи и доставить их к армии, явно рассчитывая на воспитанную у легионов и «глубоко укоренившуюся любовь к Цезарям». А по смерти Августа раб Агриппы Постума Клемент «с несвойственной рабской душе отвагою» (Тацит) решил выкрасть своего господина и доставить его к Рейнской армии. Опоздав на Планазию — Агриппу успели убить, Клемент,

похожий на него внешностью и возрастом (не был ли его отцом сам Август, любивший развлекаться с юными невольницами?), выкрал урну с прахом господина и... выдал себя за внука Августа, чудесным образом спасшегося от гибели. Он успел собрать значительный отряд сторонников, пока «министр госбезопасности» Саллюстий Крисп не организовал его похищение и доставку в императорский дворец. На вопрос Тиберия, как же он умудрился стать Агриппой, тот ответил: «Так же, как ты — Цезарем». После жесточайших пыток Лже-Агриппа был тайно умерщвлен и труп его также тайно был вынесен из дворца. Эта завеса глубокой секретности доказывает как то, какую опасность для Тиберия представил бы бы подлинный Агриппа Постум, так и то, что его двойник не был обычным рабом.

Хотя мать сделала все, чтобы Тиберий сразу взял в руки реальные рычаги управления и с этой целью даже распускала слухи об улучшении состояния Августа, когда последний был уже мертв, ситуация передачи власти от старого правителя новому была все еще слишком необычной (старики вспоминали убийство Юлия Цезаря, когда, по выражению Тацита, «столь несчастливо была возвращена свобода»). Тиберий уже после обнародования завещания Августа долго не соглашался принять от сената верховную власть, хотя, как иронически заметил тот же Тацит, в действительности не проявлял медлительности ни в чем, кроме речей. Причиной такого поведения была исключительная сложность обстановки: «Я держу волка за уши», — говорил в те дни сам Тиберий, и этому высказыванию нельзя отказать в меткости. Самым опасным было то, что взбунтовались легионы на Рейне и Дунае, причем Рейнская армия прямо отказалась признать Тиберия императором и предложила верховную власть Германику. Если бы последний не приложил прямо-таки героические усилия (вплоть до угрозы самоубийства), чтобы привести войска к присяге Тиберию, дело могло принять непредсказуемый оборот.

Когда ситуация стала нормализовываться, на Тиберия и Ливию¹¹ обрушился мутный поток и самой низкопробной, и изощренной лести. В частности, было предложено переимено-

¹¹ По завещанию мужа Ливия посмертно удочерялась им и получала имя Юлии Августы. Подлинная же Юлия, дочь Августа, умерла вскоре после прихода к власти своего бывшего мужа и убийства Агриппы Постума, последнего ее сына и последней надежды. Есть основания считать, что об ее скорой смерти тоже позаботились.

вать месяцы сентябрь и октябрь в тиберий и ливий. Тиберий отказался, съязвив: «А что вы будете делать, когда у вас станет тринадцать цезарей?» Что же касается Ливии, то она, сыграв ключевую роль в приведении сына к власти, явно была намерена разделить с ним бремя управления государством. Но намерения вдовствующей императрицы натолкнулись на неожиданное препятствие — таковым явился сам Тиберий. Человек уже немолодой и крайне самолюбивый, он, конечно, сознавал, чем обязан матери, но невероятно тяготился необходимостью постоянно проявлять эту благодарность. Тиберий оскорбился, когда сенат (!) предложил официально именовать его не только «сын божественного Августа», но и «сын Ливии». Он твердо решил «поставить на место» мать и не допустить, чтобы она в любой форме стала его соправительницей. «Поэтому он не допустил, чтобы ее величали «матерью отечества» и чтобы ей оказывали от государства великие почести, напротив, он не раз увещевал ее не вмешиваться в важные дела, которые женщинам не к лицу...» (Светоний).

Ливия болезненно переживала метаморфозу, происшедшую с ее сыном, пыталась протестовать, открыто и многократно напоминая ему, что именно она возвела его на трон, но Тиберий стоял на своем. Полного разрыва между ними не произошло: для Ливии идти на это было бессмысленно и опасно — она сама устранила с его пути всех соперников, Тиберий же, особенно поначалу, нуждался в советах матери по многим важным проблемам. Но постепенно отчуждение становилось все более глубоким, пока они вообще не перестали видеться. Правда, ходатайства Ливии за ее знакомых, как правило, удовлетворялись (иногда со скрипом), ее подруг, как выразился Тацит, «дружба Августа ставила выше законов», но и только. Тем не менее само ее существование ставило моральную преграду самовластию Тиберия, и лишь после ее кончины террор с полной силой обрушился на римскую аристократию, не обойдя и императорскую фамилию.

...Ливия умерла в 29 г., на пятнадцать лет пережив своего супруга. Тиберий, уже несколько лет как обосновавшийся на Капри, на ее похороны не приехал...